

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПНОСТИ

PROBLEMS OF COUNTERACTING SPECIFIC TYPES OF CRIME

Научная статья

УДК 343

EDN WQSUQL

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ)

В.Ф. Щепельков¹, С.Д. Савин², Е.М. Тимошина³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

³ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

20 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать

15 июля 2024 г.

Дата онлайн-размещения

29 июля 2024 г.

Ключевые слова

Домашнее насилие; семейное насилие; супружеское насилие; родительское насилие; криминологическая характеристика; динамика преступлений; опрос населения

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>

Аннотация. Социологические исследования показывают, что домашнее насилие оценивается большинством населения России как острая социальная проблема. Причем доля лиц, так считающих, за пять лет возросла. Об актуальности противодействия домашнему насилию можно судить по официальной статистике. Вместе с тем сегодня криминологи испытывают серьезный недостаток информации об этом явлении, об отношении к нему населения, о готовности населения противодействовать данному явлению и об ожиданиях населения по этому вопросу.

В 2024 г. коллектив ученых в рамках гранта Российского научного фонда проводит исследование по теме «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации». Изучена статистическая отчетность МВД РФ за период с 2015 г. о преступлениях, связанных с домашним насилием. В марте 2024 г. проведен всероссийский опрос населения (опрошено 1 600 респондентов в возрасте 18 лет и старше). Проанализированы результаты мониторинга применения УК РФ по делам о домашнем насилие. На суд читателя выносятся значимые в криминологическом отношении результаты проведенных исследований, дается их сравнение с результатами исследования 2019 г., которое было проведено в рамках государственного контракта с Государственной Думой РФ. Авторы сделали выводы в отношении тенденций динамики преступлений, связанных с домашним насилием, дали оценку изменениям позиции населения по отношению к нему. На основе анализа результатов мониторинга применения УК РФ выделены ряд значимых в теоретическом и практическом отношении особенностей указанных преступлений.

Original article

DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION (STATE, PROBLEMS OF CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT)

Vladislav F. Shchepelkov¹, Sergey D. Savin², Elena M. Timoshina³

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, the Russian Federation

² RUDN University, Moscow, the Russian Federation

³ All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2024 April 20

Accepted

2024 July 15

Available online

2024 July 29

Abstract. Sociological research shows that domestic violence is regarded by most Russians as an acute social problem. Besides, the share of people who hold this opinion has grown over the last five years. Official statistics testify to the urgency of counteracting domestic violence. At the same time, criminologists today feel a serious lack of information about this phenomenon, the public opinion about it, the readiness of people to counteract it, and people's expectations in this regard.

In 2024, a research group is conducting a study named "Legal Regulation of Domestic Violence Counteraction in the Russian Federation" funded by a grant from the Russian Science Foundation. Statistic reports of Russian Ministry of Internal Affairs since 2015 on crimes connected with domestic violence have been studied. In March 2024, the group conducted an all-Russian survey (with 1600 respondents aged 18 and older). Results of monitoring the enforcement of the Criminal Code of

Keywords

Domestic violence; family violence; marital violence; parental violence; criminological characteristics; crime dynamics; population survey

Funding

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00424, <https://rscf.ru/project/24-28-00424>

the Russian Federation in domestic violence cases have been analyzed. The authors present criminologically relevant results of their research and compare them with the results of the 2019 study conducted within a state contract with the State Duma of the Russian Federation.

The authors draw conclusions regarding trend dynamics in domestic violence crimes and assess changes in public opinion regarding them. Using the results of monitoring the enforcement of the Criminal Code of the Russian Federation, they single out a number of theoretically and practically relevant features of these crimes.

Введение

Начало масштабных исследований по семейной криминологии в России связано прежде всего с именем профессора Д.А. Шестакова [1–3]¹. Он выделил три этапа развития семейной криминологии: 1) диалектический (70–80-е гг. XX в.) — период накопления знаний; 2) феминистский (90-е гг. XX в.) — период, когда причину семейного насилия видели в доминировании мужчины в обществе; 3) интегративный [4] (с начала нулевых годов XXI в. и до настоящего времени) — период отхода от односторонности феминистского подхода к противодействию семейному насилию, когда законодательство о противодействии домашнему насилию задумывалось как инструмент противодействия насилию в отношении женщин [5].

В последнее время активные исследования в области семейной криминологии проводил В.С. Харламов [6]. Он пришел к выводу о том, что государство в лице органов правопорядка в исключительных случаях вправе вмешиваться во внутреннюю жизнь семьи, выдерживая соразмерность вмешательства требуемому результату обеспечения защищенности семьи и ее домочадцев. Предложил применять криминологические средства регулирования семейных отношений, когда отсутствие такого вмешательства способно создать угрозу жизни и здоровью уязвимых членов семьи и других домочадцев; их физическому, психическому, нравственному благополучию; недискриминационной реализации членами семьи своих прав. Он также сделал вывод о целесообразности во избежание эксцесса внутрисемейного насилия введения в практику криминологического сопровождения семьи со стороны правоохранительных органов [7]. Проводились исследования домашнего (семейного) насилия и другими криминологами [8–12], а также специалистами в иных отраслях науки [13; 14].

¹ Исследования частных проблем семейного насилия проводились и до него.

Несмотря на наличие исследований, внимание к домашнему насилию в российской криминологии долгое время оставалось фрагментарным. Были всплески внимания, например, когда в конце 90-х гг. прошлого столетия с подачи западных общественных организаций феминистического толка организовывались специальные семинары. Приглашались представители иностранных правоохранительных органов, судьи, общественные деятели, которые делились опытом, каким образом осуществляется противодействие семейному насилию, в частности в США. Однако в конце XX и начале XXI в. основные криминологические угрозы в России были другие: терроризм, организованная преступность, коррупция, позже экстремизм. Домашнее насилие, оставаясь традиционной проблемой, тем не менее в ряду угроз особо себя не проявляло. Противодействие домашнему насилию в это время обычно рассматривалось как часть предупреждения преступлений против жизни и здоровья, совершаемых на бытовой почве.

Но повестка дня изменилась. Экзистенциальные угрозы были купированы: риски террористических актов, экстремистских проявлений сведены к минимуму, на системную основу поставлено противодействие коррупции, нанесен ощутимый удар по организованной преступности. «Дошли руки» и до проблемы противодействия домашнему насилию. Общество стало острее реагировать на становящиеся достоянием средств массовой информации случаи домашнего насилия. Проблема начала активно обсуждаться в социальных сетях, средствах массовой информации. Причем некоторые случаи давали такой информационный повод, что, как показал контент-анализ прессы²,

² Результаты контент-анализа содержатся в Итоговом аналитическом отчете по Государственному контракту от 1 июля 2019 г. № 01731000096190000530001 на оказание услуг по проведению экспертно-аналитического исследования по теме: «Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в России и за рубежом: законодательное регулирование и практика правоприменения». Опубликован не был. (Далее — Итоговый аналитический отчет).

входили в топ-3 проблем по уровню обсуждаемости в публичном информационном пространстве (например, дело сестер Хачатурян, которые убили своего отца, дело доцента Соколова, убившего свою молодую сожительницу). По проблеме стали активнее высказываться известные политические и общественные деятели. В конце 2019 — начале 2020 гг. противодействие домашнему насилию было одной из самых обсуждаемых тем. На проблему обратил внимание законодатель, было проведено специальное исследование, появился проект закона, направленного на профилактику насилия в семейно-бытовой сфере, вызвавший противоречивую реакцию со стороны специалистов [15].

Мониторинг социальной сети «ВКонтакте» в форме анализа сетевой публикационной активности (проводился в 2019 г.) показал, что пользователи и сообщества, которые публиковали посты и комментарии по поводу домашнего насилия, разделились на жестких сторонников и противников принятия отдельного закона о его противодействии. Анализ текстов выявил также целенаправленное использование как сторонниками, так и противниками закона манипулятивных онлайн-коммуникативных техник в целях «разжигания повестки» и формирования общественного мнения. Наличие зафиксированных фактов закрытых профилей, тиражирования одинакового контента в постах и комментариях, отсутствие заполненных полей профилей в социальной сети «ВКонтакте» говорит об астротурфинговых технологиях, лоббировании интересов акторов информационного противостояния по вопросу принятия закона «Против домашнего насилия»³. Активное противостояние с привлечением различных общественных организаций наблюдалось и на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ при обсуждении необходимости принятия данного закона.

Однако пандемия изменила приоритеты общественного внимания. Законопроект о профилактике домашнего насилия официально не был внесен в Государственную Думу РФ. Сегодня законодательные работы в области противодействия домашнему насилию находятся в режиме ожидания. Ведется поиск решения, которое бы позволило, с одной стороны, максимально предупредить случаи домашнего насилия и нивелировать негативные последствия, которые домашнее насилие порождает. А с

другой стороны, предпринимаемые меры не должны порождать возникновение других рисков (например, разрушение семьи и семейных ценностей, появление бездомных, злоупотребление этими мерами и др.).

Прошло почти пять лет с момента масштабного экспертно-аналитического исследования, проведенного в 2019 г. учеными Санкт-Петербургского государственного университета (юристами, социологами, психологами) в рамках реализации контракта с Государственной Думой РФ по теме «Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в России и за рубежом: законодательное регулирование и практика правоприменения». Его результаты подробно отражены в Итоговом аналитическом отчете и кратко докладывались на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ 21 октября 2019 г. По результатам данного исследования наряду с другими был сделан вывод о необходимости системного мониторинга состояния домашнего насилия, поскольку имеет место дефицит информации о данном явлении. Для этого предлагалось на регулярной основе проводить опросы населения, осуществлять мониторинг правоприменительной практики. В 2023 г. коллектив ученых СПбГУ (юристы и социологи) стал обладателем гранта Российского научного фонда и с 2024 г. проводит исследование по теме «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации». Изучена статистическая отчетность МВД РФ за период с 2015 г., посвященная преступлениям, связанным с домашним насилием. В марте 2024 г. проведен всероссийский опрос населения, в ходе которого изучалось состояние домашнего насилия, отношение к нему населения, а также отношение населения к мерам, которые могут применяться для противодействия домашнему насилию и др. Опрошено 1 600 респондентов в возрасте 18 лет и старше. В настоящей статье на суд читателя выносятся значимые в криминологическом отношении результаты проведенных исследований, дается их сравнение с результатами исследований 2019 г.

**Официальная статистика преступлений,
связанных с домашним насилием
за 2015–2023 гг.**

Общая динамика преступлений

Согласно данным официальной статистики о насильственной преступности в Российской

³ Итоговый аналитический отчет. С. 319–329.

Федерации⁴, в 2015–2023 гг. произошло снижение числа преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи с 49 629 до 31 155 (в Южном и Дальневосточном федеральных округах число преступлений возросло) (табл. 1).

Имеет смысл отметить некоторые особенности общего тренда указанной преступности. В 2016 г. отмечен рост преступлений, а затем в 2017-м произошло резкое падение по всем федеральным округам, что объясняется изменением УК РФ (введением дифференциации ответственности за побои). В первый год пандемии (2020 г.) наблюдается небольшой рост насильственных преступлений в отношении члена семьи, что соответствует криминологической закономерности и в целом прогнозировалось специалистами⁵. В 2022 г. (первый год специ-

⁴ Здесь и далее источником официальной статистики является статистическая отчетность МВД РФ, которая по большей части не публикуется.

⁵ В то же время интересно отметить, что за восемь месяцев 2020 г. количество зарегистрированных правонарушений, связанных с домашним насилием, сократилось почти на 3 %. Такие данные на заседании Совета

альной военной операции России) имело место существенное снижение числа преступлений — с 32 941 до 28 941 (–12,1 %), причем по всем федеральным округам. Но уже в 2023 г. данный показатель вырос до 31 155 преступлений (+7,7 %). Рост произошел во всех федеральных округах, кроме Приволжского, где имело место снижение (–4,4 %).

Отклонение от общих закономерностей динамики насильственной преступности в отношении члена семьи, имевшее место в 2019 г. в Северо-Западном Федеральном округе (+33,1 %: с 2 809 до 3 740), было обусловлено аномальным ростом регистрации преступлений данного вида в Архангельской области (+288 %). Такие

Федерации привел министр внутренних дел РФ Владимир Колокольцев (URL: <https://rg.ru/2020/10/07/mvd-v-period-pandemii-snizilis-pokazateli-po-domashnemu-nasiliiu.html>). А вот по данным НКО число обращений к ним за помощью потерпевших от семейного насилия в первые месяцы пандемии увеличилось в 2,5 раза (Татьяна Москалькова: домашнее насилие участилось за время самоизоляции : интервью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20200505/1570953246.html>).

Таблица 1 / Table 1

Динамика абсолютных показателей насильственных преступлений в отношении члена семьи по федеральным округам за 2015–2023 гг.
Dynamics of absolute indicators of violent crimes against family members in Federal Districts in 2015–2023

№	Федеральные округа / Federal Districts	Количество преступлений / Number of crimes								
		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Центральный ФО / Central FD	7 243	10 190	5 337	5 333	4 795	5 141	5 043	4 475	4 886
2	Северо-Западный ФО / Northwestern FD	3 840	5 338	2 876	2 809	3 740	3 563	3 413	3 137	3 639
3	Северо-Кавказский ФО / North Caucasian FD	794	1 205	616	656	639	728	643	575	727
4	Южный ФО / Southern FD	1 873	3 501	2 142	2 407	2 581	2 697	2 693	2 601	3 094
5	Приволжский ФО / Volga FD	14 648	18 071	9 293	8 744	8 238	8 999	8 210	7 375	7 054
6	Уральский ФО / Ural FD	7 584	9 448	4 164	4 661	4 502	4 475	4 742	3 906	4 743
7	Сибирский ФО / Siberian FD	11 001	13 489	7 832	6 152	5 590	5 246	5 253	4 499	4 660
8	Дальневосточный ФО / Far Eastern FD	2 106	2 973	1 543	2 601	2 581	2 915	2 899	2 315	2 336
9	Крымский ФО / Crimean FD	169								
	Всего по России / Total in Russia	49 629	64 451	34 029	33 363	32 713	33 764	32 941	28 941	31 155

кардинальные изменения трудно объяснить реальным увеличением случаев домашнего насилия. Скорее всего, в данном случае имеет место изменение политики регистрации преступлений и правоприменения, которое нашло отражение и в последующем. В частности, в 2021 г. Архангельская область вошла в группу регионов с самым высоким коэффициентом преступного насилия в семье (102,9 на 100 тыс. населения субъекта РФ), уступив только показателям Республики Алтай (103,6) [16].

Динамика преступлений отдельных видов

Общий тренд динамики насильственной преступности в отношении члена семьи совпадает с закономерностями динамики этих преступлений, когда потерпевшими членами семьи являются женщины (табл. 2): рост в 2016 г., двукратное падение в 2017, небольшое увеличение в 2020, сокращение в 2022-м и небольшой рост в 2023 г. В целом с 2015 по 2023 гг. наблюдается снижение числа насильственных преступлений в отношении члена семьи — женщины.

Количество насильственных преступлений в отношении супруги (рис.) с 2015 по 2023 гг. сократилось на 43,9 % (с 17 652 до 9 910); в период сопоставимых статистических показателей: с 2017 по 2023 гг. снижение в целом составило 27,3 % (с 13 637 до 9 910); вместе с тем на фоне

стабильного уменьшения количества указанных преступлений незначительный прирост зафиксирован в 2020 г. (+0,8 %; с 12 710 до 12 810); в 2023 г. в сравнении с предыдущим годом количество насильственных преступлений в отношении жен снизилось на 9,5 % (с 10 955 до 9 910).

Доля женщин среди потерпевших от преступлений, совершенных на семейно-бытовой почве за 2015–2023 гг. в зависимости от категории и видов преступлений, составила: от тяжких и особо тяжких преступлений 28,8 %–42,5 %; от убийств (ст. 105 УК РФ) 28,7 %–44,0 %; от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) 24,9 %–39,5 %; от умышленного причинения вреда средней тяжести (ст. 112 УК РФ) 49,6 %–79,7 %; от побоев (ст. 116.1 УК РФ) 69,8 %–86,6 %, от истязаний (ст. 117 УК РФ) 86,5 %–92,1 %; от угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) 70,1 %–87,6 %. Несложный анализ показывает, что от более тяжких преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве, чаще страдают мужчины, тогда как от менее тяжких преступлений чаще страдают женщины. Эта закономерность имела место и в 2019 г.

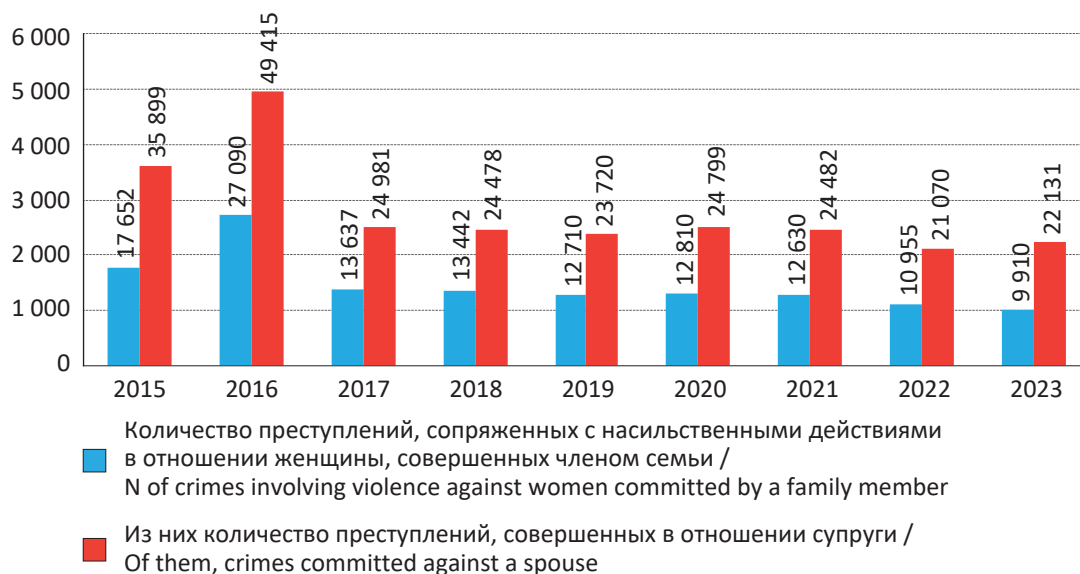
Существенным образом от динамики насильственной преступности в отношении члена семьи отличается динамика указанных престу-

Таблица 2 / Table 2

Динамика показателей насильственных преступлений в отношении члена семьи — женщины по федеральным округам за 2015–2023 гг.

Dynamics of indicators of violent crimes against female family members in Federal Districts in 2015–2023

№	Федеральные округа / Federal Districts	Годы / Years								
		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Центральный ФО / Central FD	5 343	7 934	3 720	3 648	3 262	3 735	3 749	3 272	3 144
2	Северо-Западный ФО / Northwestern FD	2 689	4 036	2 121	2 098	2 511	2 392	2 358	2 106	2 413
3	Северо-Кавказский ФО / North Caucasian FD	553	926	434	465	448	494	438	409	488
4	Южный ФО / Southern FD	1 303	2 634	1 584	1 725	1 939	2 021	2 044	1 976	2 379
5	Приволжский ФО / Volga FD	10 794	13 878	7 003	6 637	6 242	6 899	6 264	5 576	5 348
6	Уральский ФО / Ural FD	5 762	7 497	3 219	3 585	3 460	3 467	3 757	2 983	3 337
7	Сибирский ФО / Siberian FD	7 901	10 313	5 789	4 514	4 034	3 731	3 752	3 122	3 387
8	Дальневосточный ФО / Far Eastern FD	1 379	2 144	1 071	1 798	1 818	2 047	2 111	1 616	1 630
9	Крымский ФО / Crimean FD	122								
10	Всего по России / Total in Russia	35 777	49 415	24 981	24 478	23 720	24 799	24 482	21 070	22 131

Динамика количества преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении женщины, совершенных членом семьи (в том числе супругами) на территории Российской Федерации за 2015–2023 гг.

Dynamics of the number of crimes involving violence against women committed by their family members (including spouses) in the Russian Federation in 2015–2023

плений, когда потерпевшим является несовершеннолетний (табл. 3).

Во-первых, при снижении насильственных преступлений в отношении несовершеннолетнего члена семьи в целом по России с

11 313 в 2015 г. до 10 846 в 2023 г. наблюдался резкий скачок показателя в 2023 г. (+50 %: с 7 250 преступлений в 2022 г. до 10 846), причем такой рост произошел во всех федеральных округах.

Таблица 3 / Table 3

Динамика абсолютных показателей насильственных преступлений в отношении несовершеннолетнего члена семьи по федеральным округам за 2015–2023 гг.

Dynamics of absolute indicators of violent crimes against underage family members in Federal Districts in 2015–2023

№	Федеральные округа / Federal Districts	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Центральный ФО / Central FD	1 233	1 396	535	664	591	698	858	906	1 558
2	Северо-Западный ФО / Northwestern FD	1 111	1 117	327	392	1 530	1 377	1 410	1 434	2 117
3	Северо-Кавказский ФО / North Caucasian FD	244	223	113	150	190	213	209	176	263
4	Южный ФО / Southern FD	399	597	259	296	464	522	593	618	1 095
5	Приволжский ФО / Volga FD	3 182	3 063	1 333	1 531	1 302	2 100	1 516	1 537	1 735
6	Уральский ФО / Ural FD	1 906	1 842	586	705	953	747	1 079	845	1 953
7	Сибирский ФО / Siberian FD	2 474	2 635	935	916	874	970	1 156	1 147	1 412
8	Дальневосточный ФО / Far Eastern FD	743	1 035	324	409	396	634	770	581	711
9	Крымский ФО / Crimean FD	74								
10	Всего по России / Total in Russia	11 313	11 920	4 425	5 070	6 302	7 273	7 594	7 250	10 846

Во-вторых, имеет место разнонаправленная динамика по разным федеральным округам. Увеличилось число насильственных преступлений против несовершеннолетних членов семьи в Центральном, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Южном, Уральском федеральных округах. В Приволжском, Сибирском, Дальневосточном федеральных округах, наоборот, число преступлений указанного вида уменьшилось.

В-третьих, по отдельным субъектам наблюдалось аномальное отклонение от общих закономерностей в динамике рассматриваемой преступности. В 2019 г. в Северо-Западном федеральном округе количество преступлений выросло с 392 до 1 530 (+290 %). Данный рост обеспечен небывалым изменением регистрации преступлений по Архангельской области (+1 400 %). Существенный рост насильственных преступлений против несовершеннолетних членов семьи в 2019 г. имел место в Кабардино-Балкарской Республике (+1 266 %), Астраханской (+336 %) и Челябинской (+208 %) областях. В 2023 г. кардинальные изменения произошли в Тюменской области (+476 %), при этом по Ханты-Мансийскому автономному округу прирост показателя составил 766 %.

И, наконец, увеличение количества преступлений против несовершеннолетних членов семьи в 2023 г. произошло в основном за счет роста регистрации числа случаев родительского насилия. В целом по России данный показатель соответствовал 75 %. Прирост зарегистрированных преступлений, связанных с родительским насилием в отношении несовершеннолетних, составил: +250 % в Уральском федеральном округе (в том числе +1 122 % в Ханты-Мансийском АО — Югра); +217 % в Южном федеральном округе (+3 700% по Республике Адыгея, +1 280 % по Республике Калмыкия, +510 % по Астраханской области); +99 % в Центральном федеральном округе (+645 % по Москве); +51 % в Северо-Западном федеральном округе (+1 831 % по Калининградской области, +2 680% по Псковской области).

В аспекте изучения насильственной преступности в отношении детей заслуживает внимания и преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), одним из признаков которого является жестокое обращение с несовершеннолетним. За последние пять лет сложилась стабильная динамика снижения ежегодного количества данных преступлений: –31,7 % в целом за период с 2019 по 2023 гг. (с

1 491 до 1 018), –7,6 % в 2023 г. по сравнению с предыдущим годом (с 1 102 до 1 018). Динамика совершения преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ, в силу правил квалификации (если имеет место преступное насилие со стороны родителя, то обязательно дается квалификация по ст. 156 УК РФ) должна иметь схожий тренд с насильственными преступлениями против несовершеннолетних членов семьи. Однако в 2023 г. тренды показали разнонаправленное движение, что дает основание предположить обусловленность резкого роста регистрации преступного родительского насилия изменением соответствующей политики, а не реальным увеличением случаев родительского насилия.

Изменение форм учета

Анализируя характеристику статистического учета преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве, нельзя не отметить существенные коррективы его форм и набора показателей, составляющих содержание учета. С 2021 г. при отражении числа преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве, стали учитываться преступления, совершаемые сожителями. Многие криминологи давно относят данные преступления к домашнему насилию, поэтому такое новшество в статистическом учете — следование криминологическим потребностям⁶. Неизбежным эффектом перехода от учета одних показателей к учету других являются трудности сравнения криминологической ситуации до и после такого перехода. Например, число убийств, совершенных на семейно-бытовой почве, возросло с 682 в 2020 г. до 1 049 в 2021 г. Обусловлено это именно включением в число этих убийств преступлений, совершенных в отношении сожителей.

Число убийств на семейно-бытовой почве, совершенных в отношении женщин в 2020 г., составило 276 преступлений, а в 2021 г. (когда

⁶ Хотя доля сожительствующих лиц среди всего населения невелика (по данным опроса она составила 7,9 %), тем не менее уровень домашнего насилия среди проживающих совместно без регистрации брака гораздо выше по сравнению с лицами, проживающими в браке. По данным мониторинга применения ч. 1 ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) по делам о домашнем насилии из 37 проанализированных дел 8 были связано с проявлением насилия между супругами, 18 — с насилием между лицами, находящимися в фактических брачных отношениях, 3 — с насилием между бывшими супругами, проживающими вместе [17].

стали учитывать преступления, совершенные не только в отношении члена семьи, но и сожителя, фактического члена семьи) — 448. В то же время число убийств на семейно-бытовой почве, совершенных в отношении несовершеннолетних, в 2020 г. составило 39 преступлений, а в 2021 г. — 35.

Изменение исходных показателей, по которым отбираются преступления для статистического учета, должно учитываться при статистическом анализе и соответственно при криминологической оценке состояния преступности.

Следует отметить важное новшество в статистической отчетности, связанное с учетом выявленных сотрудниками ОВД правонарушений, предусмотренных ст 6.1.1 КоАП РФ (Побои), совершенных в сфере семейно-бытовых отношений. Количество административно наказуемых побоев, совершенных на семейно-бытовой почве, сегодня отражает объем домашнего насилия и уровень виктимизации населения от домашнего насилия. С 2021 г. число регистрируемых случаев побоев на семейно-бытовой почве идет на убыль (табл. 4) что в целом позволяет говорить о благоприятной тенденции.

Результаты всероссийского социологического опроса

Заслуживает внимания сравнение социологических замеров состояния домашнего насилия, отношения к нему, которые проводились в 2019 и 2024 гг. Реперными точками этих замеров являются: 1) уровень виктимизации от домашнего насилия; 2) наличие «знакомства» с домашним насилием, когда оно имеет место среди близких людей, соседей; 3) оценка домашнего насилия как проблемы; 4) наличие детского опыта потерпевшего от домашнего насилия; 5) использование силовых методов воспитания детей.

На вопрос о том, подвергались ли респонденты за последний год насилию со стороны членов семьи, в 2019 г. положительно ответили 44 респондента (2,8 %), а в 2024 г. — 59 чел. (3,7 %) из 1 600 опрошенных. В табл. 5 приведены доли респондентов, подвергавшихся различным видам насилия со стороны членов семьи в течение последнего года от момента опроса.

Доля респондентов, в отношении которых со стороны других членов семьи в течение последнего года применялось физическое или сексуальное насилие, в 2024 г. практически не

Таблица 4 / Table 4

Динамика абсолютных показателей побоев, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений по России за 2021–2023 гг.

Dynamics of absolute indicators of battery under Art. 6.1.1. of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in the domestic sphere in Russia in 2015–2023

Вид правонарушения / Type of offense	2021	2022	2023
Выявленные при профилактическом обходе / Detected as a result of preventive inspections	43 142	30 608	30 660
Выявленные по результатам обращения граждан / Detected as a result of citizens' appeals	115 139	122 289	105 713
<i>Всего / Total</i>	158 281	152 897	136 373

Таблица 5 / Table 5

Количество респондентов, в отношении которых было применено насилие со стороны членов семьи в течение последнего года

Number of respondents who suffered from domestic violence over the past year

Вид насилия / Type of violence	Количество респондентов (%) / N of respondents (%)	
	2019 г.	2024 г.
Физическое насилие / Physical violence	1,1	1,0
Сексуальное насилие / Sexual violence	0,4	0,4
Психологическое насилие / Psychological violence	1,8	3,3
Экономическое насилие / Economic violence	0,2	0,6

изменилась по сравнению с 2019 г. (изменение в пределах статистической погрешности). В сумме этим видам насилия за год подвергается около 1,5 % взрослого населения. В то же время в 2024 г. существенно (по сравнению с 2019 г.) возросло число лиц, подвергавшихся психологическому (+83 %) и экономическому насилию (+200 %). Последние две цифры свидетельствуют, по меньшей мере, о том, что стало больше лиц, готовых признавать, что в отношении них применяется нефизическое насилие.

Представляют интерес ответы на вопрос о том, что респонденты относят к домашнему насилию (можно было назвать несколько видов насилия). В 2024 г. (в 2019 г. вопрос не задавался) были получены следующие ответы: 95,5 % респондентов признают, что домашнее насилие может быть физическим; 88 % считают, что оно может быть сексуальным; 87 % участников опроса полагают, что домашнее насилие может быть психологическим, например, в виде оскорбления, унижения; 61,3 % допускают, что домашнее насилие может быть и экономическим⁷.

Согласно опросу 2024 г. свидетелями домашнего насилия среди соседей или близких в течение последнего года были 14,3 % респондентов (229 опрошенных). В целом положительно ответили на вопрос о том, что им доводилось быть свидетелями домашнего насилия среди соседей и близких 682 опрошенных (42,6 %). При этом ничего не предпринимали для разрешения конфликта 21 % свидетелей, в правоохранительные органы сообщили о факте насилия 13,0 %, лично вмешались и постарались изменить ситуацию 39,4 %, дали совет 16 % свидетелей (близкие к этим числам имели место и при опросе в 2019 г.). Опрос показал, что свидетели домашнего насилия более чем в половине случаев заняли в той или иной мере активную позицию. Бездействовали немногим более 20 % свидетелей.

Обращает на себя внимание, что косвенные свидетельства распространенности домашнего насилия дают более высокий результат, чем вопрос о непосредственном насилие в отношении себя как члена семьи. По сенситивной теме,

⁷ Психологическое и экономическое насилие, которое включает в себя неопределенно широкий круг воздействий на человека, с точки зрения позитивного права насилием не является. Однако отдельные их проявления, например оскорбления, угрозы и иные действия, ассоциируемые в обыденном понимании как психологическое или экономическое насилие, относятся к ненасильственным противоправным деяниям.

которой является домашнее насилие, можно получить больше информации из социального окружения. С одной стороны, результаты опросов показывают, что распространенность случаев домашнего насилия за последние пять лет осталась на том же уровне. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что большинство случаев семейного насилия остаются в плоскости регулирования «близкого круга».

Зарубежные исследователи отмечают, что неблагоприятные последствия домашнего насилия, как правило, распространяются на всю семью. У большинства женщин, подвергшихся домашнему насилию, есть несовершеннолетние дети. Почти половина пострадавших от домашнего насилия детей живут в семьях, для которых характерно серьезное и хроническое насилие [18; 19]. В связи с этим результаты социологических исследований, в которых домашнее насилие изучается как комплексная проблема, помогают лучше понять отношение к проблеме через личный опыт респондентов. Имеет смысл изучать социальные установки не только непосредственных виновников и жертв домашнего насилия, но и социального окружения, а также лиц, представляющих государственные и общественные организации. Так, исследование о домашнем насилие в Китае показало, что почти все ключевые заинтересованные стороны, начиная от виновников насилия, потерпевших, родственников, соседей и друзей до сотрудников полиции, часто отклоняют преступления, связанные с насилием в семье, как вопросы «семейных дел», которые находятся за пределами досягаемости и сферы действия закона. Согласно опросам, почти половина китайских полицейских и медицинских работников, сталкивающихся с домашним насилием, полагают, что лучше проигнорировать данные случаи [20].

Оценивая динамику числа случаев домашнего насилия в Российской Федерации, надо отметить положительную закономерность, выявленную в ходе опроса лиц, имеющих несовершеннолетних детей. Интересны результаты сравнения методов воздействия нынешних родителей на своих детей с теми практиками, которые применялись к ним самим в детстве.

Из табл. 6 видно, что методы семейного воспитания и наказания детей в современном обществе в целом смягчились по сравнению с теми, которые применялись к современным родителям в их детстве. Снизилась и доля со-

Таблица 6 / Table 6

**Сравнение мер воспитания детей в прошлом и настоящем
Comparison of past and present child-rearing practices**

Ответы о мерах наказания и воспитания / Responses on methods of punishment and child-rearing	Применялись ко мне в детстве (% от участни- ков опроса, имеющих несовершеннолетних детей) / Used on me in my childhood (% of participants with underage children)		Применяю по отношению к своим детям (% от участников опроса, имеющих несовершенно- летних детей) / I use on my children (% of participants with underage children)	
	2019	2024	2019	2024
Можно серьезно наказать, вплоть до применения силы / It is acceptable to use serious punishment, even force	16,2	22,6	2,0	1,4
Можно слегка воздействовать, «шлепнуть», когда не слушается / It is acceptable to use a light impact, а «smack» when the child does not obey	24,3	25,8	18,3	16,1
Физическую силу не применять, но можно сильно от- ругать / No physical force, but a strong verbal reprimand is acceptable	24,0	28,6	35,0	40,8
Воспитание только разъяснительными спокойными беседами и замечаниями / Influence only through calm discussions, explanations and remarks	20,5	15,8	35,5	34,7

временных родителей, применяющих физические методы воспитания. Результаты опроса и данных официальной статистики о насильственных преступлениях против несовершеннолетних членов семьи вступают в противоречие. По данным опроса населения родительское насилие уменьшается, а по официальной статистике в 2023 г. родительская преступность показала существенный рост. Данное противоречие, по-видимому, обусловлено изменением регистрационной и правоприменительной политики в отношении применения физической силы к детям со стороны родителей. В перспективе надо глубже изучить вопрос о причинах изменения статистики по родительскому насилию в 2023 г. Но обращает на себя внимание, что увеличилась доля опрошенных, которые заявили о применении физических мер воспитания к ним в детстве. Возможно, имеет место скрываемое социально-неодобряемое поведение со стороны респондентов, что требует дополнительного исследования.

Необходимо учитывать, что последствия домашнего насилия могут быть не только непосредственно следующими за насилием (вред здоровью, смерть) но и отдаленными. В 2024 г. 56,7 % респондентов, в отношении которых в детстве применялось насилие, в той или иной мере дали утвердительный ответ на вопрос о том, повлекло ли домашнее насилие психоло-

гическую травму или другие последствия для дальнейшей жизни. В 2019 г. на этот вопрос положительно ответили 44,1 % опрошенных.

В том, что домашнее насилие является острой социальной проблемой, в России солидарно большинство россиян. При этом доля тех, кто так считает, за последние пять лет выросла с 60,9 % до 66,3 % от числа опрошенных. В процентном отношении остроту данной проблемы отмечают больше женщины (71,7 %), молодежь от 18 до 35 лет (71,1 %), в том числе учащаяся молодежь (78,4 %). В целом уровень образования и доходов не оказали заметного влияния на оценки респондентов. Но самая большая корреляция наблюдается с информационным фактором и личным опытом. Среди тех, кто отмечает, что часто встречает информацию о домашнем насилии в СМИ и Интернете, доля считающих эту проблему острой составляет 82,5 %. Также и те, кто сказал, что им довелось быть свидетелями насилия среди соседей, родственников или друзей, склонны оценивать проблему остро (около 80 %). Влияет на отношение к проблеме и общественный резонанс, связанный с громкими преступлениями в сфере семейно-бытового насилия. Доминирующие медиакоммуникации могут стать серьезным фактором, влияющим на отношение к проблеме в обществе, а значит, и на динамику преступлений в данной сфере.

Результаты исследований, проведенных в рамках Проекта мониторинга применения Уголовного кодекса РФ

Мониторинг применения ст. 156 УК РФ показал, что в 76 % случаев за жестокое обращение с несовершеннолетними осуждаются матери, в 23 % — отцы, в 1 % случаев к уголовной ответственности были привлечены работники образовательных организаций [21]⁸.

Характерной чертой домашнего насилия является то, что оно часто совершается, когда виновный или/и его жертва находится в состоянии опьянения.

Мониторинг применения в 2018 г. судами ст. 105 УК РФ показал, что 66 % убийств на семейно-бытовой почве совершены, когда и виновный, и потерпевший находились в состоянии опьянения. Только 15 % убийств были совершены, когда и виновный, и потерпевший были трезвыми⁹.

Исследование практики применения в 2019 г. судами ст. 111 УК РФ показало, что в 50 % случаев и виновный, и жертва находились в состоянии опьянения, в 17 % случаев только виновный был пьяным, в 10 % случаев пьяным был только потерпевший. Таким образом, в 77 % дел об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенном на семейно-бытовой почве, хотя бы один (виновный или потерпевший) находился в состоянии опьянения¹⁰.

Мониторинг применения судами в 2019 г. ч. 1 ст. 108 УК РФ (Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) по 37 делам о домашнем насилии показал, что трезвыми были только 15 виновных и 1 потерпевший. При этом состояние опьянения потерпевшего, как правило, и являлось причиной конфликта¹¹.

⁸ Согласно данным статистического наблюдения МВД России, в период с 2018 по 2022 г. на долю родителей несовершеннолетних приходилось 71,8–92,3 % преступников по ст. 156 УК РФ.

⁹ Информация взята из Итогового аналитического отчета.

¹⁰ Анализ судебной практики применения статьи 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Криминологическая характеристика. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/otchet_po_monitoringu_po_st._111_uk_rf_kriminologicheskij_analiz_suslina_e.v.pdf.

¹¹ Отчет о мониторинге судебной практики применения в 2019 г. ч. 1 ст. 108 УК РФ (Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) по делам о домашнем насилии. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/shchepelkov_otchet_po_monitoringu_primeneniya_ch._1_st._108_uk_rf.pdf.

Таким образом, мониторинг применения уголовного закона по делам о наиболее тяжких преступлениях, совершенных на семейно-бытовой почве, показал, что домашнее насилие очень сильно коррелирует со злоупотреблением виновным и/или потерпевшим алкоголем, что следует учитывать при предупреждении домашнего насилия.

Основные выводы

Снижение показателей насильственных преступлений, совершенных на семейно-бытовой почве за период с 2015 по 2023 гг., как в целом, так и по отдельным видам в основном позволяет говорить о положительных тенденциях.

В то же время в отдельные годы на отдельных территориях отмечаются аномальные изменения показателей, что почти наверняка связано с изменением регистрационной и правоприменительной политики. Данная гипотеза нуждается в проверке при дополнительном исследовании.

В 2023 г. во всех федеральных округах наблюдается существенный рост регистрации преступлений, связанных с родительским насилием. Этот рост в известной степени не коррелирует с результатами социологического опроса. Выяснить причину данного роста не удалось. В связи с этим требуется проведение дополнительных исследований.

Официальная статистика, результаты социологических опросов, мониторинг применения законодательства не подтверждают феминистскую теорию природы домашнего насилия. Согласно статистике, от более тяжких преступлений больше страдают мужчины, от менее тяжких — женщины.

Сравнение социологических замеров уровня виктимизации от домашнего насилия, наличия «знакомства» с домашним насилием, когда оно имеет место среди близких людей, соседей, оценки населением домашнего насилия как проблемы, наличия детского опыта потерпевшего от домашнего насилия, использования силовых методов воспитания детей не показали кардинальных изменений в 2024 г. по сравнению с 2019-м. В общественном мнении домашнее насилие воспринимается как значимая проблема, но острота ее восприятия снижается, ставится в один ранг с другими видами насилия.

В то же время за последние годы увеличилось число россиян, отметивших применение по отношению к себе нефизических видов насилия в семье. Данное признание может свидетельствовать о потребности дальнейшего изуче-

нии данного явления, а также о необходимости создания доступных возможностей для разрешения внутрисемейных конфликтов без вмешательства правоохранительных органов.

Мониторинг применения уголовного закона по делам о домашнем насилии показал, что

значительная часть преступлений совершается, когда хотя бы один из участников конфликта (виновный и/или потерпевший) находился в состоянии опьянения. Данное обстоятельство должно учитываться при профилактике домашнего насилия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестаков Д.А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.А. Шестаков. — Ленинград, 1976. — 186 с.
2. Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Д.А. Шестаков. — Ленинград, 1986. — 45 с.
3. Шестаков Д.А. Семейная криминология = Family Criminology : криминофамилистика / Д.А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 384 с. — EDN QVPPJJ.
4. Шестаков Д.А. Интегративный этап семейной криминологии: поворот теории и юридизация? / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 1 (14). — С. 128–142.
5. Fraser J. Making Domestic Violence a Crime: Situating the Criminal Justice Response in Canada / J. Fraser // *Global Responses to Domestic Violence*. — Springer, Cham, 2017. — P. 41–59.
6. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Харламов. — Санкт-Петербург, 2019. — 718 с. — EDN DCIRXL.
7. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Харламов. — Санкт-Петербург, 2019. — 43 с.
8. Гришко Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.А. Гришко. — Курск, 2019. — 213 с. — EDN SHYNXN.
9. Насилие в семье / Ю.М. Антопян, В.А. Рачицкая, Е.М. Тимошина, А.В. Швабауэр. — Москва : Проспект, 2021. — 232 с. — EDN ХУНТВН.
10. Сердюк Л.В. Семейно-бытовое насилие (криминологический аспект) / Л.В. Сердюк, П.Л. Сердюк. — Уфа : Изд-во УЮИ МВД России, 2020. — 80 с. — EDN АНММИУ.
11. Золотухин С.Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений / С.Н. Золотухин. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. — 196 с. — EDN IPONIB.
12. Репецкая А.Л. Уголовно-правовая характеристика домашнего насилия и проблемы его профилактики органами внутренних дел на современном этапе / А.Л. Репецкая, С.В. Габеев, Р.А. Изаксон. — Иркутск : Изд-во ВСИ МВД РФ, 2019. — 72 с. — EDN RIKRAK.
13. Крылов Д.С. Домашнее насилие в отношении женщин: противоправные практики в контексте динамики социокультурной среды современного российской общества : дис. ... канд. социол. наук : 5.4.6 / Д.С. Крылов. — Майкоп, 2023. — 212 с.
14. Плешкова Н.О. Семейное насилие и пути его преодоления в современном российском обществе: региональный аспект : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Н.О. Плешкова. — Пенза, 2017. — 177 с. — EDN EYEHOV.
15. Шестаков Д.А. Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации») / Д.А. Шестаков. — EDN ZDBAEK // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 1 (56). — С. 23–28.
16. Тимошина Е.М. Преступное насилие в семье: региональный аспект / Е.М. Тимошина, И.Б. Колчевский // *Вестник МВД России*. — 2022. — № 5. — С. 89–99.
17. Щепельков В.Ф. Особенности применения норм о необходимой обороне по делам о домашнем насилии / В.Ф. Щепельков. — EDN ASRLSQ // *Криминалистика*. — 2021. — № 3 (36). — С. 48–56.
18. Walker L.E.A. Domestic Violence / L.E.A. Walker, C.B. Conte. — DOI 10.1007/978-3-319-61625-4_23 // *Handbook of Behavioral Criminology*. — Springer Cham, 2017. — P. 397–418.
19. Estimating the number of American children living in partner-violent families / R. McDonald, E.N. Jouriles, S. Ramisetty-Mikler [et al.]. — DOI 10.1037/0893-3200.20.1.137 // *Journal of Family Psychology*. — 2006. — Vol. 20, no. 1. — P. 137–142.
20. What "Family Affair?" Domestic Violence Awareness in China / Zhaohui Su, Dean McDonnell, Ali Cheshmehzangi [et al.]. — DOI 10.3389/fpubh.2022.795841 // *Frontiers in Public Health*. — 2022. — Vol. 10. — P. 795841.
21. Щепельков В.Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы / В.Ф. Щепельков. — EDN HNSKAK // *Криминалистика*. — 2022. — № 2 (39). — С. 95–103.

REFERENCES

1. Shestakov D.A. *Conflict Family Situation as a Criminogenic Factor*. Cand. Diss. Leningrad, 1976. 186 p.
2. Shestakov D.A. *Criminological Problems of Family Relations*. Doct. Diss. Thesis. Leningrad, 1986. 45 p.
3. Shestakov D.A. *Family Criminology*. Saint Petersburg, Juridichesky Center Press Publ., 2003. 384 p. EDN: QVPPJJ.
4. Shestakov D.A. The Integral Stage of Family Criminology: A Turn of Theory and Juridification? *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* = *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2008, no. 1, pp. 128–142. (In Russian).
5. Fraser J. Making Domestic Violence a Crime: Situating the Criminal Justice Response in Canada. *Global Responses to Domestic Violence*. Springer, Cham, 2017, pp. 41–59.

6. Kharlamov V.S. *The Theory and Practice of Counteracting Criminal Violence in the Family (A Systemic Criminological and Criminal Law Study)*. Doct. Diss. Saint Petersburg, 2019. 718 p. EDN: DCIRXL.
7. Kharlamov V.S. *The Theory and Practice of Counteracting Criminal Violence in the Family (A Systemic Criminological and Criminal Law Study)*. Doct. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 2019. 43 p.
8. Grishko N.A. *Criminal Violence Acts Committed by Women in the Domestic Sphere*. Cand. Diss. Kursk, 2019. 213 p.
9. Antonyan Yu.M., Rachitskaya V.A., Timoshina E.M., Shvabauehr A.V. *Насилие в семье*. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 232 p. EDN: XYHTBN.
10. Serdyuk L.V., Serdyuk P.L. *Domestic Violence (a Criminological Aspect)*. Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020. 80 p. EDN: AHMMIY.
11. Zolotukhin S.N. *Criminal Violence in the Domestic Sphere*. Chelyabinsk, Biblioteka A. Millera Publ., 2019. 196 p. EDN: IPONIB.
12. Repetskaya A.L., Gabeev S.V., Izakson R.A. Criminal Law Features of Domestic Violence and Problems of its Prevention by Internal Affairs Bodies at the Modern Stage. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2019. 72 p. EDN: RIKRAK.
13. Krylov D.S. *Domestic Violence against Women: Unlawful Practices within the Dynamics of Socio-cultural Environment of Contemporary Russian Society*. Cand. Diss. Maikop, 2023. 212 p.
14. Pleshkova N.O. *Family Violence and Ways of Overcoming it in Contemporary Russian Society: A Regional Aspect*. Cand. Diss. Penza, 2017. 177 p.
15. Shestakov D.A. Criminogenic Legislation in the Light of Family Criminology (on the Pro-American Law Project "On the Prevention of Family and Domestic Violence in the Russian Federation"). *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2020, no. 1, pp. 23–28. (In Russian). EDN: ZDBAEK.
16. Timoshina E.M., Kolchevskii I.B. Criminal Violence in the Family: A Regional Aspect. *Vestnik MVD Rossii = Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 5, pp. 89–99. (In Russian).
17. Shchepelkov V.F. Peculiarities of Applying Norms on Necessary Defense in Domestic Violence Cases. *Kriminalist = Criminalist*, 2021, no. 3, pp. 48–56. (In Russian). EDN: ASRLSQ.
18. Walker L.E.A., Conte C.B. Domestic Violence. In *Handbook of Behavioral Criminology*. Springer Cham, 2017, pp. 397–418. DOI: 10.1007/978-3-319-61625-4_23.
19. McDonald R., Jouriles E.N., Ramisetty-Mikler S., Caetano R., Green C.E. Estimating the Number of American Children Living in Partner-Violent Families. *Journal of Family Psychology*, 2006, vol. 20, no. 1, pp. 137–142. – DOI: 10.1037/0893-3200.20.1.137.
20. Zhaohui Su, Dean McDonnell, Ali Cheshmehzangi, Junaid Ahmad, Hengcai Chen, Sabina Šegaló, Yuyang Cai. What "Family Affair?" Domestic Violence Awareness in China. *Frontiers in Public Health*, 2022, vol. 10, pp. 795841.
21. Shchepelkov V.F. Countering Domestic Violence in the Russian Federation: Current State and Trends. *Kriminalist = Criminalist*, 2022, no. 2, pp. 95–103. (In Russian). EDN: HHSKAK.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щепельков Владислав Федорович — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: volga0@yandex.ru.

Савин Сергей Дмитриевич — доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, кандидат социологических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: savin_sd@pfur.ru.

Тимошина Елена Михайловна — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: emtimoshina@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Щепельков В.Ф. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) / В.Ф. Щепельков, С.Д. Савин, Е.М. Тимошина. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244. — EDN WQSUQL // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 232–244.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shchepelkov, Vladislav F. — Professor, Department of Criminal Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: volga0@yandex.ru.

Savin, Sergey D. — Ass. Professor, Department of Sociology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Ph.D. in Sociology, Moscow, the Russian Federation; e-mail: savin_sd@pfur.ru.

Timoshina, Elena M. — Leading Researcher, Research Center No. 1, All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: emtimoshina@rambler.ru.

FOR CITATION

Shchepelkov V.F., Savin S.D., Timoshina E.M. Domestic Violence in the Russian Federation (State, Problems of Criminological Assessment). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 232–244. (In Russian). EDN: WQSUQL. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244.